
СКУРКО Е.В.¹ ВЗАИМОСВЯЗЬ ПРАВА И НРАВСТВЕННОСТИ: ВЗГЛЯДЫ РОССИЙСКИХ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ УЧЕНЫХ-ПРАВОВЕДОВ (Обзор)

Аннотация. Дореволюционные ученые-правоведы, жившие и служившие науке во второй половине XIX – начале XX в., внесли значительный вклад в развитие отечественного права, способствовали его фундаментальному развитию. Многие из них – В.С. Соловьев, Н.М. Коркунов, Л.И. Петражицкий, П.А. Сорокин и другие – блестящие представители российской науки, работавшие в этот период, рассматривали проблемы права и нравственности в ряду ключевых вопросов теории и философии права, конституционного и уголовного права. Их взгляды на этику в праве, психологию и мораль права как социальные явления, взаимосвязь права и нравственности представлены в данном обзоре.

Ключевые слова: право; нравственность; мораль; психология права; этика права; духовность права.

SKURKO E.V. The Relationship Between Law and Morality: the Views of Russian Pre-Revolutionary Legal Scholars (Review)

Abstract. Pre-revolutionary legal scholars who lived and served science in the second half of the 19th and early 20th centuries made a significant contribution to the development of Russian law and contributed to its fundamental development. Many of them – V.S. Solovyov, N.M. Korkunov, L.I. Petrazhitsky, P.A. Sorokin and others – brilliant representatives of Russian science who worked during this period, considered the problems of law and morality in a number of key issues of the theory and philosophy of law, constitutional and criminal law. Their views on ethics in law, psychology and morality of law as a social phe-

¹ Скурко Елена Вячеславовна, старший научный сотрудник отдела правоведения ИНИОН РАН, кандидат юридических наук.

nomenon, and the relationship between law and morality are presented in this review.

Keywords: law; ethics; morality; psychology of law; ethics of law; virtue of law.

Для цитирования: Скурко Е.В. Взаимосвязь права и нравственности: взгляды российских дореволюционных ученых-правоведов (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер. Государство и право. – 2025. – № 4. – С. 41–50. – DOI: 10.31249/iajpravo/2025.04.03

Введение

Вторая половина XIX – начало XX в. дали российской юридической науке плеяду ученых, внесших значительный вклад в развитие отечественного права этого периода и оказавших влияние на его последующее развитие, – Б.Н. Чичерина, С.А. Муромцева, И.А. Покровского и многих других ученых, которые, переосмысливая мировой исторический опыт правового развития, создали отечественную школу права. Особенное внимание в этот период уделялось проблемам отношения права и нравственности, этике и психологии права. Труды и идеи В.С. Соловьева, Н.М. Коркунова, Л.И. Петражицкого, П.А. Сорокина – представителей этой школы, легли в основу современной социологии права. Их взгляды на этику в праве, психологию и мораль права как социального явления, роль и значение права в ряду нравственных ценностей представлены в форме выборочных цитат в данном обзоре – с целью максимально точно обозначить их ключевые научные позиции.

Взгляды российских дореволюционных правоведов на нравственную суть права

Владимир Сергеевич Соловьев, русский религиозный мыслитель, почетный академик Императорской Академии наук, в работе «Право и нравственность. Очерки из прикладной этики» 1899 г. в первых строках предисловия писал: «Признавая между правом и нравственностью внутреннюю существенную связь, полагая, что они неразлучны и в прогрессе, и в упадке своем, мы сталкиваемся с двумя крайними взглядами, отрицающими эту связь на прямо противоположных основаниях. Один взгляд выступает во имя морали и, желая охранить предполагаемую чистоту нравственного интереса, безусловно отвергает право и все, что к

нему относится, как замаскированное зло. Другой взгляд, напротив, отвергает связь нравственности с правом во имя последнего, признавая юридическую область отношений как совершенно самостоятельную и обладающую собственным абсолютным принципом. Согласно первой точки зрения, связь с правом пагубна для нравственности; согласно второй – связь с нравственностью в лучшем случае не нужна для права» [3, с. I–II].

Подтверждением подобной оценки В.С. Соловьева может служить позиция, например, Николая Михайловича Коркунова, русского ученого-юриста, философа права, профессора, специалиста по государственному и международному праву, который выстраивает соотношение права и нравственности, отталкиваясь от разграничения норм юридических и нравственных. Так, в «Лекциях по общей теории права» Н.М. Коркунов, в частности, пишет: «Юридические нормы представляют все отличительные признаки норм этических. Соблюдение требований права не ведет к непосредственному осуществлению никакой материальной цели. Право только определяет рамки осуществления разнообразных интересов, составляющих содержание общественной жизни. Вместе с тем соблюдение юридических норм признается обязательным для всех, независимо от желательности для них той или другой отдельной цели. И, наконец, содержание права не есть только логически необходимый вывод из законов природы, что ясно уже из самого факта разнообразия и даже противоречия существующих в разное время и в различных странах юридических норм. Но юридические нормы суть не единственные этические нормы. Наряду с ними к этическим же нормам относятся нормы нравственные. Для ближайшего определения юридических норм необходимо поэтому отграничить их от норм нравственных. С этой целью мы постараемся выяснить, как вообще могут быть достигнуты совмещение и гармония разнообразных интересов человеческой жизни. Тогда само собой получится основная группировка этических норм, их разделение на нравственные и юридические» [1, с. 24].

Решая эту задачу, Н.М. Коркунов приходит к следующему выводу: «различие нравственности и права может быть формулировано очень просто. Нравственность дает оценку интересов, право – их разграничение. Как установление мерила для оценки наших интересов есть задача каждой нравственной системы, так установление принципа для разграничения интересов различных личностей – есть задача права. Не трудно показать, что этим основным различием права и нравственности обуславливаются и

объясняются все частные различия, замечаемые между нравственными и юридическими нормами. Так как право предполагает разграничение интересов различных личностей, то юридические нормы определяют только отношения к другим, а не к самому себе. Нравственные правила, напротив, устанавливают обязанности и в отношении к самому себе, потому что оценка интересов имеет значение и для человека, взятого совершенно отдельно... Обязательность нравственных норм не обусловлена вовсе заинтересованностью других людей в их исполнении. Если даже никто от меня того не требует, нравственный долг сохраняет всю свою силу... Этим объясняется также, что из нравственных норм выводится только безусловный нравственный долг; из юридических – обусловленные друг другом право и обязанность... Юридическая обязанность есть обязанность выполнять вытекающие из чужого права требования, соблюдать устанавливаемые юридическими нормами границы сталкивающихся интересов. Поэтому, в отличие от нравственного долга, юридическая обязанность сохраняется только до тех пор, пока существует чужой интерес, ради которого она установлена. Отсюда понятие давности, погашающей обязанности, понятие, неведомое нравственности» [1, с. 26].

Позицию В.С. Соловьева в данном вопросе в целом выражает следующее его рассуждение: «Слово человеческое на всех языках непреложно свидетельствует о коренной внутренней связи между правом и нравственностью. Понятие права и соотносимое с ним понятие обязанности настолько входят в область идей нравственных, что прямо могут служить для их выражения. ... На всех языках нравственные и юридические понятия выражаются словами или одинаковыми, или производными от одного корня. Русское “долг”, также как латинское *debitum* – откуда французское *devoir* и английское *duty* – а равно и немецкое *Schuld*, *Schuldigkeit* имеют и нравственное и правовое значение; *δίκη* и *δικαιοσύνη*, *jus* и *justitia*, также как по-русски “право” и “правда”, по-немецки *Recht* и *Gerechtigkeit*, по-английски *right* и *righteousness*, различают эти два значения только приставками (ср. также еврейские *цедек* и *цедака*)... Вот два термина (правда и закон), в которых одинаково воплощается существенное единство юридического и этического начал. Ибо что такое право, как не выражение правды и как не содержание закона, а с другой стороны, к тому же понятию правды или справедливости, т.е. к тому, что должно или правильно в смысле этическом и что предписывается нравственным законом, сводятся и все добродетели. Тут дело не в случайной одинаковости

терминов, а в существенной однородности самих понятий» [3, с. 23–24].

И далее: «Когда мы говорим о нравственном праве и нравственной обязанности, то тем самым упраздняем с одной стороны всякую мысль о коренной противоположности или несовместимости нравственного и юридического начала, а с другой стороны указывается и на существенное различие между ними, так как, обозначая какое-нибудь данное право, например, право моего врага на мою любовь, как нравственное, мы подразумеваем, что есть право в более тесном смысле, которому нравственный характер не принадлежит как его прямое и ближайшее определение» [3, с. 24–25]. Исходя из сказанного, В.С. Соловьев заключает: «Право есть принудительное требование реализации определенного минимального добра, или такого порядка, который не допускает известных крайних проявлений зла» [3, с. 28].

Лев Иосифович Петражицкий, русский и польский ученый-юрист, профессор, депутат первой Государственной думы, в работе «Теория права и государства в связи с теорией нравственности» 1909 г., по сути, отталкивается от тезиса, что «под правом в смысле особого класса реальных феноменов будем разумеать те этические переживания, эмоции которых имеют атрибутивный характер. Все прочие этические переживания, т.е. переживания с чисто императивными моторными возбуждениями, мы будем называть нравственными явлениями, относить к нравственности» [2, с. 85].

С точки зрения Л.И. Петражицкого, «В области тех случаев и вопросов поведения, которые предусматриваются и разрешаются в таком или другом смысле государственными законами или иными позитивно-правовыми определениями, напр., в области отношения к чужой жизни, собственности, в области имущественно-делового оборота, купли-продажи, найма квартиры, прислуги, извозчиков, займа и иных кредитных сделок и проч., и проч., люди фактически приписывают на каждом шагу себе или другим разные обязанности правового типа и права и исполняют эти обязанности и осуществляют права вовсе не потому, что так написано в гражданском кодексе или т.п., а потому, что так подсказывает им их интуитивно-правовая совесть; да они обыкновенно и не знают вовсе, что на подлежащий случай жизни предписывают статьи гражданского или иного кодекса, и даже не думают о существовании этих статей и кодексов. Лишь в некоторых случаях, главным образом в случаях разногласий и споров, притом особенно серьезных и не поддающихся разрешению без обращения к законам, судам

и т.п., люди справляются относительно статей законов и переходят с почвы интуитивного на почву позитивного права, заявляют притязания такого же, как прежде, или несколько иного содержания уже со ссылкой на то, что так полагается по закону и т.п. И вот все те бесчисленные императивно-атрибутивные переживания и нормы, обязанности, права, которые чужды позитивного характера, совпадают ли они или расходятся по своему содержанию с такими или иными позитивными переживаниями, нормами, обязанностями, правами, вполне подходят под понятие права в установленном выше смысле и обнимаются дальнейшим общим учением о праве» [2, с. 87–88].

«Наряду с нормами, устанавливающими разные преимущественные права в пользу одних насчет других, в общественной психике имеются бесчисленные императивно-атрибутивные правила, устанавливающие разные взаимные и равные правомочия и правопритязания в области вежливости и этикета. Некоторые из них обязательны для всех и всегда, другие лишь в определенных случаях жизни или для определенных категорий лиц, напр., для знакомых друг с другом, для незнакомых, для мужчин в их отношениях между собою, для женщин, для товарищей по школе, по службе, студентов, офицеров и проч. и проч. На случай нарушения преимущественных и иных прав вежливости в общественной психике имеются дальнейшие императивно-атрибутивные нормы, определяющие последствия происшедшего. Наиболее распространенное в культурном обществе из относящихся сюда психических явлений состоит в императивно-атрибутивном сознании, по которому потерпевшему от нарушителя причитается признание виновности, выражение по этому поводу сожаления и просьба о прощении – обязанность извиниться, притязание на соответственное заявление. Наряду с этим, особенно на менее культурных ступенях развития и в менее культурных слоях общества, в таких случаях за потерпевшими признаются еще разные иные права, в частности права активного наказания нарушителя словами (порицательными или бранными) или действиями (ударом, избиением). Прimitивная правовая психика в случаях особенно серьезных нарушений приписывает потерпевшему даже право убить нарушителя на месте» [2, с. 91].

Наконец, говоря о проблеме соотношения права и нравственности, нельзя не упомянуть более поздние – но снискавшие себе признание – работы ученика Л.И. Петражицкого, Питирима Алек-

сандровича Сорокина, считающегося «отцом» современной социологии.

В работе «Преступление и кара, подвиг и награда. Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали» 1913 г. П.А. Сорокин, русский и американский социолог и культуролог, профессор и педагог, в частности пишет: «Если бы кто-нибудь предпринял анализ взаимного поведения членов какой-нибудь социальной группы, совершенно игнорируя психические процессы, происходящие в психике каждого члена при том или ином поступке, и описывая только внешние формы актов поведения, – то вся социальная жизнь или все то, что делает социальное явление категорией *sui generis*, ускользнуло бы целиком из-под анализа такого исследователя. Общество превратилось бы в этом случае в простую сумму взаимодействующих “масс”, люди стали бы простой совокупностью атомов и молекул или простыми “центрами сил”, а их акты, поведение и поступки перестали бы быть “актами” и превратились бы в простые “движения” этих масс. Ассоциация превратилась бы в простое “сложение сил”, борьба – в “вычитание сил”, убийство – в ряд движений “центра сил А” по отношению к “центру сил В”; акт убийства преступником жертвы качественно бы ничем не отличался в этом случае от операции хирурга и убийства солдатом врага на поле битвы, так как акты всех этих лиц с внешней стороны довольно близки и сходны. Для подобного исследователя не существовало бы ни актов борьбы, ни актов спасения, ни слов молитвы, ни слов ругани, ни поступков злых, ни поступков добрых – а все эти явления превратились бы в простую сумму тех или иных движений ряда “центров сил”, их взаимных перемещений» [4, с. 112].

П.А. Сорокин различает «акты», которые совершает человек в обществе, «по характеру психических переживаний» и делит их на три основные категории: «1) акты “дозволенно-должные”, которыми являются поступки, соответствующие представлениям “должного” поведения, атрибутивно-императивным переживаниям. Это суть или акты осуществления прав, или акты осуществления обязанностей. Если поведение кого-нибудь соответствует тем правам и обязанностям, которыми я или другой его наделяет, то его поведение в моих глазах или в глазах этого другого есть поведение должное, если оно не соответствует – то оно перестает быть таковым. То же самое получится и с точки зрения другого человека; 2) акты “рекомендуемые”. Такими актами для каждого человека будут акты, не противоречащие его представлениям дозволен-

но-должного поведения, но представляющие сверхнормальную роскошь, избыток над необходимым минимумом “доброе” поведения, каковым является дозволенно-должное поведение, и потому всегда желательные. Эти акты – добровольны и потому не носят в себе никакого элемента обязанности; 3) акты “запрещенные” или “недозволенные”. Такими актами для каждого будут те акты, которые противоречат его представлениям “должного” поведения и нарушают его “должную” норму поведения (акты, противоречащие атрибутивно-императивным переживаниям)» [4, с. 122].

Таким образом, согласно этой концепции П.А. Сорокин выделяет три основные формы реагирования на чужие поступки. При этом, подчеркивает он, «каждый из чужих актов, воспринимаемых нами, вызывает в нас неодинаковые переживания и соответственно неодинаковые формы реагирования на них: 1) акты, воспринимаемые нами как “должные”, не вызывают в нас ни переживаний вражды, ни ненависти, а равно ни особенной любви и симпатии к ним самим и к их исполнителю, они воспринимаются просто как “дозволенно-должные” (иное слово трудно найти), как нормальные и только. Сама форма актов не вызывает в нас ни отращения-отталкивания, ни притяжения-любви. Они нормальны, справедливы, а потому положительны и только. Лавочник дал мне фунт хлеба, я заплатил ему 7 коп. Акт лавочника для меня просто нормальный, должный и ничего больше, а сам он не вызвал во мне по своему адресу ни особенной любви и симпатии, ни ненависти и вражды; 2) иное переживание возникает в ответ на акты “рекомендуемые”. Здесь я, в ответ на подобный акт, испытываю по адресу его субъекта особенное благорасположение, благодарность, любовь, симпатию и желание и ему, в свою очередь, оказать ту же услугу. Сам же акт нам кажется чем-то желательным и притягивающим; 3) наконец, в ответ на акты запрещенные мы реагируем в форме переживаний и актов вражды, недружелюбия и ненависти по адресу его субъекта; в нас самопроизвольно возникает желание отпарировать его незаконное покушение и отомстить ему за его попытку. Сам же акт вызывает в нас переживание отращения и отталкивания к такой форме поведения. Иначе говоря, акты должные – кажутся нам всегда нормальными, справедливыми и потому морально положительными; акты запрещенные – морально отрицательными и поднормальными; акты рекомендуемые – сверхнормально-положительными, своего рода моральной роскошью. Каким является каждый из них – такую же реакцию он и вызывает. Эта реакция происходит самопроизвольно и спонтанно» [4, с. 126].

«Установив эти три разряда актов и три разряда реакций на чужие акты, воспринимаемые то как должные, то как рекомендуемые, то как запрещенные, – теперь для краткости обозначим каждый из них соответственными терминами. Акты рекомендуемые назовем подвигом или услугой, а реакцию на них со стороны другого, воспринимающего их именно как акты рекомендуемые, – наградой. Акты запрещенные назовем преступлением, реакцию на них, понимаемых другими именно как акты запрещенные, – наказанием. Акты “дозволено-должные” и вызываемую ими реакцию будем называть просто дозволенно-должными. Таким образом, получаются три пары акций и вызываемых ими реакций: преступление – наказание, подвиг – награда, “дозволенный” акт – “должная” реакция» [4, с. 127].

Заключение

Дореволюционная отечественная школа права значительное внимание уделяла проблемам нравственной ценности права, роли права в этике, отношению права и морали. В исследованиях представителей этой школы был представлен полный спектр позиций: в большинстве своем они признавали внутреннюю существенную связь между правом и нравственностью, их единство как в прогрессе, так и в упадке; однако некоторые из них отрицали эту связь, абсолютизируя право или мораль. В.С. Соловьев, Н.М. Коркунов, Л.И. Петражицкий, П.А. Сорокин, чьи высказывания приведены в данном обзоре признавали юридическую область знаний как самостоятельную и самобытную и считали важным для понимания сути права как общественного явления тщательно исследовать взаимное влияние правового и нравственного, права и морали. Их идеи, хотя и оказались «в тени» советской школы права и были не востребованы достаточно длительный период, сегодня изучаются российскими правоведом и исследуются в целях предметного развития российского законодательства и правовой системы страны.

Список литературы

1. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. – Санкт-Петербург: Юридический центр, 2004. – 218 с.
2. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Том 1. – Издание второе, исправленное и дополненное. – Санкт-Петербург: Тип. Т-ва «Екатерингофское печатное дело», 1909. – 328 с.

3. Соловьев В.С. Право и нравственность. Очерки из прикладной этики. – Санкт-Петербург. – Издание Я. Канторовича. – 1899. – 180 с.
4. Сорокин П.А. Преступление и кара, подвиг и награда: социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали / вступ. статья, сост. и примеч. В.В. Сапова. – Москва: Астрель, 2006. – 618 с.